

РАСХОЖДЕНИЯ МЕЖДУ ЧЕШСКИМ И РУССКИМ ЯЗЫКАМИ, ВЫЗВАННЫЕ ИСТОРИЧЕСКИМ ВЛИЯНИЕМ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА НА ЧЕШСКИЙ

Рудольф Зимек

В течение многих лет моей исследовательской работы по сопоставлению русского языка с чешским и в процессе моей преподавательской деятельности в университете при подготовке филологов русистов (с родным языком чешским) мне снова и снова бросался в глаза факт, что многие расхождения между этими родственными славянскими языками вызваны не только отличиями западных славянских языков от восточнославянских, а специфически, в случае чешского языка [в дальнейшем ЧЯ], в результате известного влияния немецкого языка [НЯ] на ЧЯ в ходе исторического развития последнего.

ЧЯ, как общеизвестно, развивался с самого начала своей истории в римско-немецкой империи в тесном соседстве (а в некоторые периоды и под сильным влиянием) НЯ, что не могло не отразиться на его системе и структуре. Между тем, русский язык [РЯ] не находился в прямом контакте с НЯ, и поэтому, естественно, НЯ не оказал такое влияние на него, несмотря на многочисленные заимствования из НЯ (но и их статус принципиально отличается от германизмов, вошедших в ЧЯ).

Несовпадения между РЯ и ЧЯ довольно часто имеют свои корни именно в том, что немецкий адстрат оставил следы на ЧЯ в нескольких уровнях языка, пожалуй во всех, кроме морфологического. Воздействие НЯ на ЧЯ наблюдается в плане звуковом, лексическом, словообразовательном, фразеологическом, синтаксическом и стилистическом. В русском же языке влияние НЯ проявляется лишь в лексике, в заимствованиях в некоторых областях духовной и материальной реальности, наряду с заимствованиями из других европейских языков, особенно в значительной мере из французского. Этого последнего в ЧЯ почти нет.

Таким образом, при тщательном сравнении ЧЯ, РЯ с немецким обнаруживается целый ряд случаев изоморфизма, параллелизма или аналогии между ЧЯ и НЯ, которые не имеют место в РЯ. На практике, при обучении чешских учеников и студентов русскому языку, этим можно объяснить и лучше понять многие отдельные факты интерференции. В настоящем докладе мне хотелось бы обратить ваше внимание

на некоторые из таких явлений, не претендуя, однако, на исчерпывающий список всех рассматриваемых фактов. Мы ограничиваемся лишь общей характеристикой указанных явлений с некоторой их иллюстрацией.

В звуковой области можно считать результатом влияния НЯ отверждение согласных перед передними гласными (и мягким ером), ср.: *otec, den, teta* по сравнению с русским *отец, день, тетя* и т. п. В ЧЯ остались всего лишь три пары мягкостной корреляции (*t - t', d - d', n - n'*), причем графическое *d, t, n* произносится мягко перед *ě* и *i*, однако такое смягчение перед *i* не происходит в интернационализмах (в отличие от РЯ). Полностью исчезла мягкость у губных и губнозубных (поэтому эти мягкие согласные, которые сохранились в русском, трудно произносить чешским учащимся). Утратилась оппозиция *l - l'*, которая сохранилась в словацком. Все эти случаи депалатализации чешских согласных можно, на наш взгляд, объяснить влиянием консонантической системы НЯ, где нет парных мягких. В системе гласных можно усматривать известную близость ЧЯ с НЯ в наличии в обоих языках кратких и долгих гласных (*a - á, o - ó, u - ú, e - é, i - í*), оставив в стороне звуки *y, ō* и дифтонги. Этому противостоит в РЯ отсутствие корреляции краткий - долгий гласный и факт полудолготы всех ударных гласных. Также меньшая динамичность силы ударения сближает ЧЯ с НЯ. В НЯ, правда, есть редукция послеударных гласных (гл. образом *-e*), но не предударных (*deine Mutter* но: *genau, bewusst*). И мелодические линии и чешских высказываний более ровные, чем в РЯ, подобно НЯ. Сходно с НЯ в ЧЯ нет нисходящей конечной интонации в замкнутых вопросах (*Ты купил этот словарь? - Kouplils ten slovník? - Hast du das Wörterbuch gekauft?*) Поэтому опять чешским учащимся трудно привыкать к тому, что в таких вопросах нельзя повышать тон в конце вопроса.

Может быть, также наличие резкого приступа в произношении гласного в начале слова после конечного согласного предыдущего слова в ЧЯ (напр.: *k okni, od ucha k uchu*) можно объяснить влиянием НЯ, особенно ввиду того, что дальше к востоку, уже в моравских диалектах и в словацком языке, резкого приступа (*fester Einsatz, glottal stop*), как и в РЯ, нет. Оставим в стороне такие мелкие сходства как в произношении *š, ž, ě* среднемягких согласных в ЧЯ и НЯ, в отличие от более твердых *sh, zh* и более мягкого *ch*.

Система морфологии ЧЯ осталась незатронутой немецким языком, что вполне понятно, так как грамматическая система словоформ у генетически разных языков не подвергается флексии соседнего неродственного языка. Единственно лишь в сфере заимствованных

интернациональных слов, которые в ЧЯ приходили обычно из НЯ, можно было бы искать известное влияние в роде чужих слов, напр. в сохранении рода у слов греческого происхождения на *-ta* (*drama, panorama, schéma, dilema*) и включение слов с нем. окончанием на *-e* (Hypnose, Prognose, Sklerose) в женское склонение на *-a* (*hypnóza, prognóza, skleróza*) против русского *драма, схема* - жен. рода, *гипноз, склероз* и т. п. мужского рода, что, конечно, дано иным принципом определения субстантивного рода в РЯ: заимствованное слово в РЯ включается в тип склонения по чисто формальному признаку, т. е. по звуку в конце слова.

Можно, однако, привести один интересный факт из области местоимений и их синтаксического употребления, как на это в плане чешско-немецком обратил внимание М. Комарек в недавно опубликованной статье.¹ В РЯ (и в некоторых других славянских языках) исчезли указательные и относительные местоимения *j-ряда* *jiže, jaže, ježe*, а в ЧЯ (единственном из славянских) сохранился этот тип местоимений в роли относительных местоимений, вводящих придаточные определительные предложения. Эти (сегодня довольно книжные) относительные местоимения синонимны с вопросительно-относительными местоимениями *к-ряда* (*который, которая, которое, которые*). Подобный параллелизм встречается в НЯ, где в данной позиции функционирует указательно-относительное местоимение *der, (die, das, die)*, или же вопросительно-относительное *welcher*. Напр: *muž, jenž/ který se zasloužil o vlast - der Mann, der/welcher sich um das Vaterland verdient hat*. В РЯ нет такого двойного выражения, есть только местоимение *к-ряда*, следовательно, данную конструкцию можно перевести лишь так: *мужчина, который имеет заслуги перед Родиной*. (Заметим, между прочим, что в РЯ нет возвратного глагола **заслужиться*, эквивалентного чешскому *zasloužit se o něco*). Разница между Ч *jenž* и Н *der*, однако состоит в том, что Н *der* является стилистически беспризнаковым, между тем как Ч *jenž* признаковым.

Схематически данные средства можно изобразить следующим образом:

	НЯ	ЧЯ	РЯ
относительные	der	který	который
местоимения	welcher	jenž	

¹ Komárek, M.: On Relative Pronouns in Czech and German, in: The Syntax and Text. Linguistic and Literary Studies in Eastern Europe, Eds. S. Čmejrková and F. Štícha, Benjamins 1994, pp. 359-366.

Параллелизм немножко иного рода наблюдается у притяжательных относительных местоимений в ЧЯ *jehož, jejíž, jejichž*, в НЯ *dessen, derer, deren*, где уже нет синонимного местоимения вопросительно-относительного ни в ЧЯ, ни в НЯ, а в РЯ в данной функции выступает родительный падеж вопросительно-относительного местоимения *которого, которой, которых*, или - реже (более книжное) согласуемое *чей, чья, чье, чьи*.

matka, jejíž//Ø život byl zasvěcen jen dětem
die Mutter, derer//Ø Leben nur den Kindern gehörte
мать, жизнь которой//чья жизнь была посвящена лишь детям.

Чешское *jejíž* здесь стилистически нейтрально, между тем как русское *чья* отличается книжностью.

Подобную аналогию можно усматривать и у притяжательных форм от названий лиц (собственных и нарицательных), где в НЯ и в ЧЯ посессивные формы употребляются в антепозиции:

<i>Karls Eltern</i>	<i>Karlovi rodiče</i>
<i>Vaters Brief</i>	<i>otcův dopis</i>
<i>Humboldt Universität</i>	<i>Humboldtova univerzita</i>

между тем как в РЯ в таких случаях стоит постпозитивный посессивный родительный:

родители Карла

письмо отца (отцово письмо стилистически маркировано, кроме того формы на -ов/-ин не образуются стандартно от всех названий лиц)

Nachbars Hund - sousedův pes - собака нашего соседа.

Что касается названий учреждений в честь кого-то, в РЯ обычно ставится родительный падеж после «имени»: *Университет им. Ломоносова* (однако под влиянием языка-оригинала стало нормальным *Карлов университет*, но *Univerzita Palackého* или *Palackého univerzita* переводится только как *Университет им. Палацкого*).

Описанное явление представляет лишь один случай известного изоморфизма между НЯ и ЧЯ в отличие от РЯ.

Может быть, есть еще и некоторые другие мелкие совпадения в морфологии семантической, с расхождением в РЯ, напр. русск. г. наз. собирательные числительные выражают только собирательность, коллективность (*двое солдат*), между тем как в ЧЯ *dvoje/dvojí* в таком значении не выступают, а означают сорт (*dvojí*, нем. *zweierlei*) или просто плюральность у существительных *pluralia tantum* (*troje hodinky*).

Немецко-чешский изоморфизм в области морфосинтаксиса наблюдается в вопросе глагольного управления, хотя нем. падежная система не совпадает с чешской в числе падежей. Тем не менее в многих случаях выбор предлога явно имитирует немецкую конструкцию:

Ср.: *starat se o děti - sich um die Kinder kümmern*

но: *заботиться о детях*

избегать обязанностей

но: *vyhýbat se někomu - jemandem ausweichen*

Другие примеры:

podporovat něco (вин.падеж) - etwas unterstützen

в РЯ: *способствовать чему;*

zdržovat se hlasování -sich der Stimme enthalten

в РЯ: *воздерживаться от голосования.*

Конечно, далеко не все отклонения РЯ от ЧЯ в управлении можно свести к немецкой модели, напр.: *участвовать в чем - zúčastnit se čeho - an der Sache teilnehmen.*

Несколько фактов, оформляемых идентичным или подобным способом в ЧЯ как и в НЯ, относится к синтаксическому плану. К таким синтаксическим фактам, в которых РЯ не совпадает с ЧЯ, а НЯ сходится с ЧЯ, принадлежат следующие явления:

а) инфинитивные односоставные предложения в ЧЯ и в НЯ ограничены схемами одного только инфинитива (*Mlčet! Vstát! Nestřlet! - Schweigen!, Aufstehen! Nicht schießen!*) и в этих двух языках - в отличие от РЯ - невозможны конструкции с предикативным инфинитивом в сочетании с дательным субъекта и с частицей *бы*, напр.: *Быть буре, Всем людям умереть, Вам бы отдохнуть, Где нам ночевать, С кем бы мне посоветоваться.* Им соответствуют в НЯ и в ЧЯ личные двусоставные предложения с модальными глаголами *muset, mlti, moci (müssen, sollen, können): Alle Leute müssen sterben, Sie sollten ausruhen, Wo können wir übernachten* и т. п.

б) В ЧЯ, как и в НЯ, невозможно сказуемое в инфинитиве в придаточных предложениях после союзов *если, чтобы, прежде чем, раньше чем* (которые подражают французской модели). В наших двух языках после союзов *jestli; aby, dřívě než; wenn, damit, früher als/bevor* ставится личная форма глагола-сказуемого.

- Ср.: *Wenn man die Frage näher untersucht, so sieht man...
Když se na tu otázku podíváme blíže, vidíme...*
но: *Если ближе рассмотреть этот вопрос, то видно:..*

в) Одним из самых важных полей, в котором совпадают ЧЯ и НЯ и оба отличаются от РЯ, это область волюнтаривной модальности. Здесь бросается в глаза параллелизм нем. *müssen* чеш. *muset, sollen* и *míti (debere), dürfen - směti*. В РЯ отсутствует вообще эквивалент глагола *muset*, который явно в западнославянских языках был перенят из немецкого *müssen*. В РЯ для выражения необходимости есть семантически дифференцированный набор модальных предикативов *надо, необходимо, нужно, нельзя*, безличный глагол *следует, подобает*, модальные прилагательные *должен, обязан* и т. д. Чешские студенты обычно все эти конструкции склонны выражать конструкцией *я должен + инф.*, так как это считается единым эквивалентом *Já musím + инф.*, ибо глагол *muset* покрывает все различные оттенки необходимости. Отрицательное *nemustíš / Du musst nicht, du brauchst nicht* наши студенты очень часто ошибочно переводят: *ты не должен*. Глагол *muset* аналогично немецкому *müssen* сверх того употребляется в значении модальности уверенности: *On musel být opilý - Er musste betrunken sein*, но в РЯ: *Он, наверно, был пьян*.

С другой стороны чешское *míti* выступает в двух разных значениях: *sollen* и *haben*, а в РЯ нет прямого эквивалента для *míti* в смысле *sollen*. Из этого следует, что многим русским предложениям с модальными модификаторами полнозначительных глаголов соответствуют в наших двух языках двусоставные предложения с личными формами модальных глаголов.

г) Что касается посессивного глагола *habere (míti, haben)*, в русском его праславянский эквивалент *imati, iměti* был практически вытеснен на периферию, ограничивается сочетаниями типа *иметь право, иметь возможность, иметь честь*, а в подлинно посессивном значении был заменен конструкцией *у меня (есть)*. Но чешские студенты склонны всюду ставить *я имею*: *"Я имею брата, "Мы имеем машину* и т. п., а когда они освоят употребление конструкции *у меня*, то делают часто ошибки в употреблении или неупотреблении формы *есть* в посессивных предложениях. Такие же затруднения, по-видимому, обнаруживаются и у немецких студентов.

Однако в целом синтаксический изоморфизм в ЧЯ и в НЯ представляет лишь небольшой процент всех системных явлений, потому что преобладает сходство в синтаксической системе обоих славянских языков.

Гораздо большее количество сходных или аналогичных фактов налицо в лексическом плане НЯ и ЧЯ, что вполне понятно, так как межъязыковые контакты двух соседних языков наиболее ярко проявляются именно в области лексики (включая словообразование и фразеологию). Это тривиальная социолингвистическая истина. Ясно, что непосредственный коммуникативный контакт приводит к сильному влиянию одного языка на другой, причем побеждающим языком явится язык народа, имеющего политический, экономический и культурный перевес. В чешский язык перенимались немецкие слова в прямом взаимном речевом общении.² В русский язык немецкие слова попали иным историческим социальным путем, на расстояние или через одиночных носителей немецкого языка, приглашенных на русскую землю. Этим, давно известным фактом легко объяснить разный статус и стилистическую силу заимствований из НЯ в ЧЯ и в РЯ. Кроме того, судьба германизмов была неодинаковая. В Чехии в период национального возрождения германизмы заведомо устранялись пуристами и заменялись искусственно созданными домашними наименованиями, между тем как в России не было причины для очистки языка от немецких слов и они воспринимаются без негативной коннотации. Таким образом, в современном русском литературном языке есть сотни германизмов из ряда областей жизни (области военного дела, ремесла, искусства, домашнего обихода и одежды, охоты, игр и развлечения), к которым нет параллельных русских дублетов, и многих из этих германизмов, обильно встречающихся в РЯ, вообще нет в ЧЯ, не только литературном, но даже не в разговорно-обиходном (напр.: *гауптвахта, фельдzeuger, клейстер, ландшафт, мольберт, стамеска, гастроль, бутерброд, крендель, ядташ, шенкель, кегли, кегельбан* и мн. др.). Так что можно констатировать, что СЛРЯ больше «засорен» германизмами, чем СЛЧЯ. Только часть русских заимствований из НЯ имеет пандан в ЧЯ, однако не в его книжной литературной разновидности, а только в разговорно-обиходном (обесна čestina) и в жаргонах. При этом ко всем им существуют нейтральные литературные чешские эквиваленты: *efpейтор - frajtr - svobodník; плац - plac - prostranství pro nástup vojáku; лагерь - lágr - tábor; танцмейстер - tancmajstr - taneční mistr; квартира - kvartýr - byt; машина - mašina - stroj; фамилия - familie -*

² О немецко-чешских языковых отношениях были опубликованы статьи: *Havránek, B.*: Die sprachlichen Beziehungen zwischen dem Tschechischen und Deutschen, in: *Abhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig, Phil.-historische Klasse, B. 57, Heft 2. Bělic, J.*: Poznámky o postavení německých přejatých slov, in: *Slawisch-deutsche Wechselbeziehungen in Sprache, Literatur und Kultur, Berlin 1969, S. 7 ff. Mayer, A.*: Die deutschen Lehnwörter im Tschechischen, Reichenberg (Liberec) 1927. *Rippel, E.*: Wege und Voraussetzungen einer deutsch-tschechischen Lehnwörterkunde, in: *Slavia 18 (1944), S. 1 ff.*

rodina. Сверх того указанные чешские германизмы всегда стилистически или эмоционально окрашены, они употребляются в непринужденном стиле разговорной речи или как профессионально-жаргонные наименования или даже некоторые как аргоизмы. Степень негативной окраски у них бывает разная (от сильно пренебрежительной по полулитературную). В отличие от РЯ, в ЧЯ обиходном есть слова немецкого происхождения, которых совсем нет в РЯ, напр.: *kumšt, kumštýř, kšeft, máš recht, ona je šlank, jsem švorc* и т. д., к которым, конечно, имеются домашние нейтральные литературные синонимы (*uměnl, umělec, obchod, máš pravdu, ona je štíhlá, jsem bez peněz*). В целом можно сказать, что немецкие заимствования в обоих сравниваемых славянских языках занимают значительно различное место в лексическом составе этих языков.

Расхождения в лексике ЧЯ и РЯ, далее, обусловлены тем, что в ряде случаев чешская лексема, состоящая из славянских морфем, не соответствует русскому эквиваленту просто потому, что она калькирована по модели немецкого слова. Ср.: *Ausflug - výlet* - экскурсия или поездка, *Anspruch - nárok, sich durchsetzen - prosadit se* - пробиться, пробить себе дорогу. Иными словами, многие современные чешские слова не являются старыми западнославянскими, они были калькированы с немецкого в течение последних столетий.³ В некоторых их немецкое происхождение скрыто, но этимологически оно легко объяснимо, напр. *nádraží* - прекрасный префиксально-суффиксальный дериват мотивирован немецким словом *Bahn - dráha*. Сюда относится и чешское *vlak - Zug*, в отличие от *поезд*. Все подобные факты сегодня, естественно, уже не воспринимаются носителями ЧЯ как слова как-нибудь связанные с немецким источником. То же самое касается многих чешских сложных слов, подражающих структуре немецких композитов. Напр., ряд сложных слов с компонентами *kraso-* и *rychlo-*, ср.: *krasojezdec - Kunstreiter, krasořečník - Schönreder, krasopis - Schönschreiben*. (Ср. русское: *фигурное катание - krasobruslent*). Примеры с *rychlo-*: *rychlozboží* из НЯ *Eilgut, rychlovazač - Schnellhefter, rychloměr - Schnelligkeitsmesser, rychločistírna - Schnellputzerei, Schnellreinigung*. Последнее понятие в РЯ будет *срочная химчистка*.

Также в области фразеологии наблюдается много совпадений между ЧЯ и НЯ при расхождении с соответствующим русским фразеологизмом (включая пословицы, поговорки, этикетные клише и пр.).

³ О развитии чешского языка в старший период см.: *Němec, I.: Vývojové postupy české slovné zásoby*, Praha 1968. *Křístek, V.: K otázce konverzatismu německého původu v starší češtině*. In: *Jazykovědné sympozium 1971*, Brno UJEP 1973, str. 31-37.

Правда, в некоторых конкретных случаях трудно установить, насколько данная чешская идиома является прямо калькой с немецкого и насколько их общность дана лишь общим культурно-историческим фоном с самостоятельным параллельным развитием конкретных фразем в каждом из этих соседних языков. Во всяком случае, наверно, неслучайно, что мы находим такие аналогичные фразеологические структуры, как напр.: *Je to blízko, co by kamenem dohodil* - *Es ist auf Steinwurfweite entfernt* (но по-русски: *Это рукой подать* или *Это совсем под носом*). *Je toho jako když naseje* - *Das ist wie gesät* - в РЯ: *Этого (там) тьма тьмущая/нруд нруд*. *Chodí jako tichošlápek* - *Er ist ein Leisetreter* - в РЯ: *Тише воды, ниже травы*. *Škoda, žeš tam nebyl* - *Schade, dass du da nicht warst* - в РЯ: *Жаль, что ты не был там*. *Okamžitě* - *augenblicklich* - *Сразу / сию минуту*.

Все приведенные примеры показывают, что немецкий язык в течение веков (начиная с 12 столетия) довольно сильно повлиял на ЧЯ - сильнее, чем это может казаться на первый взгляд, и вследствие этого современный ЧЯ типологически больше отдален от русского, чем это обусловлено дивергенцией между западным и восточным славянскими языками.

В заключение можно сказать, что ЧЯ входит вместе с НЯ в другой языковой союз (Sprachbund), а именно средневропейский, чем РЯ, который принадлежит к восточнославянскому языковому союзу. Это связано с различием двух культурно-исторических сфер.

Выдвинутая нами проблематика, требующая трехстороннего сопоставления, заслуживает большего внимания и более детальной разработки.

Tento referát byl přednesen 28. 3. 1995 na konferenci "Slawische und deutsche Sprachwelt. Typologische Spezifika der slawischen Sprachen im Vergleich mit dem Deutschen", konané na Humboldtově univerzitě v Berlíně ve dnech 27. až 31. března 1995. Měl být publikován v tamějším sborníku materiálů z uvedené konference. Z technických (reprografických) důvodů jej tam autor nedodal a nabídl jej k otištění v Opera Slavica.